

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director

TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XX

Buenos Aires, Martes,

17 de setiembre de 1968

Буэнос Айрес, вторник 17 сентября 1968 года № 970

А. ЛАМБЕРТ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Как всегда, можно спорить — много это или мало, общего мерил нет. Для чиновничьей службы это одно, для военной — другое. Бывает гражданская труднее военной, бывает и военная легче всякой гражданской. Всяко бывало, бывает и “будет бывать”.

Но служба боевая не оставляет тут никаких сомнений, ни повода к спорам. Двадцать лет боевой службы без отпуска, без отдыха, службы добровольческой, ничем не обеспеченной и не вознагражденной, не только трудной, но тяжелой и опасной; служба, в условиях непрестанного окружения коварными, беспощадными, крепкими врагами, такова двадцатилетняя служба “НАШЕЙ СТРАНЫ”, отмечающей свой славный юбилей без громких слов, без банкетной помпы, с молитвой и твердой верой в конечное торжество идеала, потребовавшего и оправдавшего как принесенные жертвы, так и будущее.

Оглянувшись на пройденный путь упорного труда и жестокой борьбы, газета видит не только могилы сгоревших в работе своих руководителей, но и не поддающиеся измерению, ни определению сумму лишений и страданий, физических и духовных, никому не ведомых и никого не интересующих. Тут лишения всех видов, и болезни, и потрясения, и горечь разочарований или незаслуженных обид, и постоянное преодоление вражеских подкохов, преследующих одну и ту же цель — обанкротить, прихлопнуть, уничтожить самый след ненавистной пропаганды, загасить патриотический огонь угрожающий пожаром “социалистическому строительству”. И многое другое, чего не перечислить и без чего свободно можно было обойтись, чтобы сохранить силы, здоровье и жизнь; чтобы в старости, обеспеченной надежной пенсией, в подаренном внуками удобном кресле спокойно и внимательно читать на родном языке интересную антисоветскую газету, не задумываясь над условиями ее издания.

Трудно основать газету, еще труднее правильно редактировать ее, но всего труднее уберечь эмигрантскую правую газету от гибели. Насколько трудно — знает только тот, у кого она висела на шее. В условиях “демократической свободы”, те, кому надо, располагают на выбор всевозможными средствами скрытно прижимать, “влиять”, устранять и даже уничтожать бумажный символ демократического могущества — чеками — служащими, в одних случаях губительным соблазном, в других — орудием разорения.

Монархическая газета в эмиграции, это охотничий шалаш в дремучем лесу, кишасшем дикими зверями. То тут, то там вспыхивают зеленые огоньки, несусыпно следящие, терпеливо поджидаящие случая для безкашанного нападения. Раздается рык голодных хищников или злобный рев раненых. Слышится змеиное шипение.

Как шакалы, в предвкушении поминальной тризны, бродят вокруг долговые обязательства, без которых немис-

лимо деловое существование в капиталистических странах.

Помощь приходит редко. Чаще, появляются “соратнички”, по выражению И. Л. Солоневича, которым любых хищников предпочтешь! Зависть, плоскодушие, корысть и личная мстительность, суть побудители, вдохновляющие иных “единомышленников” на самые низкие поступки, не только восхищающие коммунистов, но нередко завоевывающие их доверие, выраженное иудинскими се-ребрянниками. Нет, положительно, читать антикоммунистическую газету куда приятнее, чем издавать ее!

Тот, кто работал на фабричном конвейере, лучше других смог бы понять и еще одну сторону газетной работы: ее безразличия к состоянию редактора. Редактор имеет право заболеть, но болеть — права не имеет. Не смеет устывать, ни расстраиваться, ни запускать работу или переписку, или бухгалтерию, или экспедицию. Редакция, как пожарная команда обязана быть постоянно готовой к любым неожиданностям. Редактор не смеет терять голову или время.

Газетная работа, как сама газета на конвейере, ритмична и безжалостно нагромаждается, медленно затягивая петлю на шею нерасторопного издателя. Работа эта равнодушна, как время, и не признает никаких оправданий. А ведь любой редактор сделан из мяса и подвержен самым вульгарным слабостям, вроде переутомления, раздражения, уныния, охоты развлечься или желая написать другу. Ничего этого нельзя. Редактор — каторжник.

Нельзя даже возмутиться нерадением автора, надувшего со статьей и сорвавшего юбилейную акцию. Нельзя терять присутствия духа и выдержки, когда забракованный или обидевшийся вообще на что-нибудь сотрудник, с позиций девственной принципиальности, начинает редактора и газету травить клеветой. Нельзя работать без делового доверия, но нельзя и найти управу на мошенников, отрекающихся от денежных долгов и приводящих в состояние совершенно-го изнеможения, и без того истощенную издательскую кассу.

Нельзя жаловаться на неудобное положение в общественных вопросах между застывшей твердокаменной Сциллой и водоворотом приспособленческой Харриды; не каждому Одиссею удастся проскочить сухим и невредимым этот опасный участок редакторской деятельности.

Нельзя пропускать в газету безответственную импровизацию, халтуру, политиканство, личное пристрастие и сомнительные сведения, но нельзя и расстраивать корреспондентов, потому что они чувствительны как мимоза и капризны, как младенцы. И лишенный, не в пример многим читателям и бесплатным сотрудникам, права на “извините за откровенность”, редактор более, чем стеснен в оправдании своей руководящей роли, отчего ответственность его

18-го сентября 1948 года И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ в Буэнос Айресе была основана газета “НАША СТРАНА”.

В воскресенье, 22-го сентября с. г. в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (Nuñez 3541) после Божественной Литургии будет отслужен

благодарственный молебен

по случаю двадцатилетнего юбилея газеты.

ничуть не уменьшается, ни перед Богом, ни перед законно требовательным и разборчивым читателем.

Всех “нельзя” перечислить нельзя. Зато легко перечислить все, что редактору некоммерческой антикоммунистической газеты доступно. В первую очередь, и главным образом, это право работать единолично во всех издательских должностях до полного износа. Потом, ни с кем не делаясь, принимать также единолично удары судьбы по спине, самолюбия и карману за все, чего редактор не доделал, не предусмотрел или прозевал; решительно за все ошибки, как свои, так и чужие.

Впрочем, по должности, эмигрантскому редактору не положено пользоваться сочувствием. И кого угодно принято жалеть, только не редактора. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы редактора хвалили? И не услышите, и сейчас не прочтете. А пишется все это только для того, чтобы показать или напомнить читателю — в каких муках рождается на газетных страницах правдивое слово в условиях безденежья и общественной безпризорности. И как это слово нуждается в поддержке для того, чтобы не захиреть, не замолкнуть к издевательскому торжеству глушителей любой правды.

Пишется для того, чтобы каждый читатель, получая газету, относился к ней не только с критической строгостью, но и с хозяйственной ответственностью, то есть ответственностью человека, заинтересованного в существовании этой газеты, а следовательно, и обязанного ее поддерживать.

Двадцатилетие газеты убедительно говорит о том, что такая поддержка была. Но то, что существование газеты продолжает оставаться на ущербе, говорит и о недостаточности этой поддержки. Разумеется, такая справка — не упрек; напротив, нам следует тут же признать, что читательская поддержка далеко не всегда и не всем легко дается; чаще всего, это не простая лепта, а жертва бедных рыцарей нашей эмиграции, той части ее, что материальное благоденствие никогда не рассматривала, как главную цель в жизни; среди читателей есть, конечно, и удачливые идеалисты, разбогатевшие, но их мало, они редкость. И можно сказать, что по большей части, нашу честную газету берут в руки бедняки или, что бедную газету поддерживают честные люди. То и другое одинаково верно. И это не каламбур, а факт.

И если мы вспоминаем в юбилейные дни газеты о том, что поддержка недостаточна для обогащения ее хотя бы

постоянными шестью страницами, не говоря уж о восьми, что тоже не было бы роскошью, то потому, что это тоже факт, о котором должны знать все читатели, ибо не все догадываются о причинах, вынуждающих газету периодически выходить только на четырех страницах.

Наиболее доступным для всех читателей видом помощи газете, является вербовка новых подписчиков. По хозяйственному закону каждого издательского начинания, рост подписчиков уменьшает себестоимость издания и в торговом предприятии повышает доходность, а в просветительном расширяет благоприятные возможности. “Наша Страна” исключения не составляет и каждый новый подписчик вливает в ее жилы свежую, жизнотворную кровь. Хозяйственная необходимость увеличивает тираж, в нашем случае, вполне согласуется с просветительным назначением газеты: чем шире круг ее деятельности, тем больше оправдывает она свое назначение. Таким образом, вербовка новых подписчиков, новых читателей, долг каждого друга газеты не только хозяйственный, но и патриотический.

В день скромного, но знаменательного торжества нашего несдающегося глашатая правды, мы — друзья и близкие газеты — поздравляем ее отовсюду, куда она ни засылается. Мы поздравляем ее с тем, что она выдержала до сих пор все испытания, а за двадцать лет их было не мало, и большая часть их грозила самому существованию газеты.

Мы поздравляем ее с тем, что за двадцать лет она не приняла ни одной копейки из чужих рук и сохранила полную независимость.

С тем, что несмотря на все ранения и удары, включительно до смерти двух редакторов, она не сократилась в выпуске и продолжает выходить еженедельно.

С тем, что большевики не перестают злобно огрызаться на нее, как всегда, пытаясь уязвить клеветой.

С тем, что значительная часть читателей, как это явствует из писем, находит в “Нашей Стране” не только источник исторической и злободневной информации, но и воспитателя, формирующего их мировоззрение и убеждения.

С тем, что она не однажды удостоилась внимания и одобрения Главы Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича.

С тем, наконец, что за два десятилетия, в условиях резкой переменчивости, политических штормов, государственных крушений, финансовых кризисов и подводных опасностей всех сортов, она не сбилась с намеченного ее основате-

ОБЩАЯ ЛИНИЯ “НАШЕЙ СТРАНЫ” ЕСТЬ, ПО САМОМУ СВОЕМУ СУЩЕСТВУ СТОЛЫПИНСКАЯ ЛИНИЯ, БОРЬБА С РЕВОЛЮЦИЕЙ И С РЕАКЦИЕЙ ВО ИМЯ РОССИИ И МОНАРХИИ.

Иван СОЛОНЕВИЧ

1948

1968

ЮБИЛЕЙ „НАШЕЙ СТРАНЫ“

Юбилей "Нашей Страны" есть явление исключительное. Не потому исключительное, что газета просуществовала в Зарубежье 20 лет, а потому, что она сумела утвердить свой политический авторитет и сплотить вокруг себя крепких стоятелей "За Веру, Царя и Отечество". И этот авторитет не только никогда не колебался, а постоянно рос, растет и крепнет очевидно потому, что "Наша Страна" нашла верные пути к уму и сердцу русского человека.

Это явление редкое и ценное. Сколько за истекшие годы рождалось и сродило на нет русских монархических извещений в жизни Русского Зарубежья как голос удержалась и крепла, но утвердилась в жизни Русского Зарубежья как голос авторитетный, установившийся, верный, оправдывающий себя своими политическими чаяниями, всей своей политической идеологией и всей своей политической деятельностью.

Ценность "Нашей Страны" заключается еще в том и главным образом в том, что однажды принятый политический курс газеты остается неизменным, прямым и твердым, полный эстетического вкуса и совести, началами любви, уважения и доверия. Она аристократически осуществляет государственные цели Грядущей России — свободной и великодержавной, то есть служит общему делу власти, права и духа.

Это общее дело и является основой государственного бытия, ее этнического

содержания и ее священного начала на основах служения общему интересу. Это и есть та общая первооснова жизни, которая служит национальной духовной культуре народа и которая составляла суть Царской России.

Наша задача в том и заключается, чтобы всеми силами защищать духовную культуру своего народа на основах жизненной неустранимости, нашего духовного достоинства и веры в свои силы. Ибо только эти моменты обеспечивают настоящий духовно-творческий полет и расцвет.

Этим задачам и служит "Наша Страна", жизненная успешность которой покончена на ее духовной правоте и на ее благородстве. И потому прикосновенность к этой газете вызывает естественное уважение к ней. В ней мы видим и реально ощущаем кровную и национальную связь с нашим поработанным русским народом, с каждым из нас.

Эта духовная связь не только соединяет людей, но и вызывает в душах патристический культ — то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него, переживая томление народного духа.

Именно здесь лежат корни славного существования "Нашей Страны". И да благословит Господь это издание на его дальнейшее служение Вере, Царю и Отечеству.

М. М. Спасовский

Письмо в Редакцию

Дорогая Татьяна Владимировна!

Двадцать лет тому назад я был приятно поражен, когда получил первый номер "Нашей Страны", газеты, которую начал вновь выпускать Иван Лукьянович, продолжив этим свою пропаганду Народной Монархии, работу начатую еще в Болгарии и прерванную во время Второй Мировой войны.

В 1948 году надо было иметь большое мужество и непоколебимый оптимизм, чтобы начать выпускать монархическую газету, когда советский престиж и влияние были столь сильны, а Холодная война сопротивления намечающейся советской агрессии еще только что начиналась.

Газета имела успех, разыскались довоенные подписчики и читатели, верные Ивану Лукьяновичу "штабс-капитаны", распространение ее превзошло все ожидания. И даже преждевременную кончину Ивана Лукьяновича пережила "Наша Страна", которую продолжал редактировать Ваш муж, незабвенный Всеволод Константинович, а после его ухода в лучший мир, Вы удачно и достойно продолжаете дело основателя газеты и его преемника.

"Наша Страна" — это не только газета, как все другие газеты мира. Это скорей комплекс состоящий из редактора, сотрудников и читателей, являя этим некий идеологический Орден, по примеру нищенских орденов еще недавнего времени. И действительно, если наша газета и не имеет той прочной материальной базы, на которой, благодаря странникам объявлений, существуют многотиражные газеты во всем мире, то духовная база, как таковая, моральная и идеологическая, действительно безгранична. "Семья" "Нашей Страны" представляет собой совершенно исключительное явление чисто идеологического значения. А в этом и заключается все величие самого факта существования "Нашей Страны". И не только лишь

лем курса, и, преодолевая все препоны, упорно пробивается против течения, пробивается без дрейфа и ливирования, прямо и смело в НАШУ СТРАНУ, в терновым венцом освященную и духовно обновляющую родную Россию.

От всего, самого большого, русского сердца желаем нашей газете и в дальнейшем пользоваться Божиим попечением для достижения своей исторической цели.

Третьему же водителю нашего боевого органа — Татьяне Владимировне Дубровской — вместе с горячим пожеланием бодрости — шлем твердое обещание этой бодрости споспешествовать.

А. ЛАМБЕРТ

ощущение неосязаемого величия, но и возможности превращения этого "орденского сознания" в самое что ни на есть реальное воплощение в "бытие" в освобожденной России.

Коммунисты наши заклятые враги, а также и всего человечества, отлично знают всю силу Слова, которое, столь умело использованное Лениным, позволило им захватить власть над Россией в 1917 году и не отпускать ее и по сей день, удерживая свою систему на "двух китах", из которых — первый это Пропаганда, а второй — Принуждение. И как только один из этих двух "китов" поколеблется, ослабнет и потеряет свою "бдительность", так закачается вся коммунистическая система, чтобы непременно сгнуться в небытие рано или поздно.

Сейчас мы переживаем наглядный пример всем только что изложенным утверждениям.

В Чехословакии так или иначе, но подул ветер свободы и в первую очередь свободы печати, радиовещания и телевидения. Коммунистическая система в этой стране тотчас же зашаталась, как только "кит Пропаганды" стал терять свою тоталитарную мощь, предпреляя этим возможность падения коммунистического режима и, следовательно, отпадения Чехословакии от коммунистической советской империи. Что мог поделаться чехословацкий "кит Принуждения", оставшись в одиночестве без директив Коминтерна?

Заправили сов. удава, прекрасно отдавая себе отчет в создающейся для них катастрофе, вызванной заразной болезнью чехословацкого "кита Пропаганды", немедленно привели в действие свой аппарат Принуждения и, оккупировав Чехословакию чекистами с помощью коммунистических армий, задушили в зародыше все поползновения к свободе печати, радиовещания и телевидения в этой стране. К "киту Пропаганды" в Чехословакии были применены радикальные методы лечения для успешного восстановления его сил.

Мы знаем, что московское чекистское правительство очень не любит и раздается в эмиграции наше свободное слово, а потому и отгородили от него своих подсоветских рабов Железным Занавесом, почти что непроницаемым. Для сохранения их бесчеловечной системы, противной человеческой природе, это совершенно логично и необходимо.

Газета "Наша Страна", издающаяся за герметически закрытыми границами СССР, все же беспочвенно советских заправил, которые очень часто в своих многомиллионного тиража газетах злопыхательствуют и клеветуют на нашу эмигрантскую печать, казалось бы столь незначительную, но которая в действительности является той ложкой дегтя, которая столь не по вкусу советскому "киту Пропаганды". Это также значит,

аресты в с.с.с.р.

В Советском Союзе арестованы ряд представителей интеллигенции, выразивших протест против советской оккупации Чехословакии. Вот, что об этом сообщает Раймонд Андерсон, московский корреспондент выходящей в Париже американской газеты "Интернейшл Геральд Трибюн":

Лариса Даниэль, жена заключенного писателя, и молодой ученый Павел Литвинов были арестованы 25-го августа на Красной площади в тот момент, когда вместе с девятью другими представителями интеллигенции они намеревались начать демонстрацию против вторжения советских войск в Чехословакию. Оба арестованных выделялись своей активностью в "прогрессивных" кругах советской интеллигенции.

Далее корреспондент сообщает, что аресты были произведены в воскресенье 25-го августа, когда Лариса Даниэль и Литвинов готовились развернуть плакат с надписью: "Руки прочь от Чехословакии". Некоторые лица, стоявшие поблизости, тоже были арестованы. Однако, за исключением Ларисы Даниэль все женщины были вскоре освобождены.

Пятеро человек из девяти, как сообщают из осведомленных источников, обвиняются в нарушении статьи 190-ой уголовного кодекса РСФСР. Эта противоречивая статья разрешает аресты демонстрантов под предлогом нарушения ими общественного порядка или правил уличного движения.

Из осведомленных источников сообщают также, что попытка демонстрации на Красной площади имела место после митинга в Институте Русского Языка Академии Наук, участники которого протестовали против вторжения в Чехословакию. Подобные же митинги протеста были организованы представителями интеллигенции и в других институтах. Четыре человека — двое из них юристы — арестованы в Ленинграде после митинга, на котором 15 представителей интеллигенции выступили с письмом в поддержку чехословацкого народа.

Свободолюбивая интеллигенция в Советском Союзе потрясена вторжением в Чехословакию, — пишет американский корреспондент. — Многие ее представители с большим одобрением отзываются об опыте демократизации пражских реформистов, как открывающем дверь подобным же реформам и в самом Советском Союзе.

Одна из участниц попытки демонстрации на Красной площади поэтесса Наталья Горбаневская обратилась в коммунистические газеты Запада и в газеты всего мира с открытым письмом, текст которого опубликован в газете "Нью-Йорк Таймс" от 29-го августа. Приводим текст этого письма:

ПИСЬМО ГОРБАНЕВСКОЙ

Главным редакторам газет "Руде право", "Унита", "Морнинг Стар", "Юмани-те", лондонской "Таймс", "Нее Цюрихер Цейтунг", "Нью-Йорк Таймс", "Вашингтон Пост" и всех газет мира, которые опубликуют это письмо:

Уважаемый господин Редактор!

Прошу вас поместить в вашей газете мое письмо о демонстрации на Красной площади в Москве 25-го августа 1968 года, поскольку я единственный участник этой демонстрации, пока оставшаяся на свободе.

В демонстрации принимали участие: Константин Бабицкий — лингвист, Лариса Богораз-Даниэль — филолог, Вадим Делонэ — поэт, Владимир Дремлюга — рабочий, Павел Литвинов — физик, Виктор Файнберг — искусствовед и Наталья Горбаневская — поэт. В 12 часов дня мы сели на парапет у Лобного места и развернули лозунги:

"Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!" (на чешском языке), "Позор оккупантам!", "Руки прочь от ЧССР!", "За вашу и нашу свободу!"

Почти немедленно раздался свист и со всех концов площади к нам бросились сотрудники КГБ в штатском: они дежурили на Красной площади.

Ожидая выезда из Кремля чехословацкой делегации, подбегая они кричали: "Это все жиды! Бей антисоветчиков!"

Мы сидели спокойно и не оказывали сопротивления. У нас вырвали из рук лозунги, Виктору Файнбергу разбили в кровь лицо и выбили зубы, Павла Литвинова били по лицу тяжелой сумкой. У меня вырвали и сломали чехословацкий флажок. Нам кричали: "Расходитесь, подонки!" Но мы продолжали сидеть. Через несколько минут подошли машины, и всех, кроме меня, затолкали в них. Я была с трехмесячным сыном и поэтому меня схватили не сразу. Я сидела у Лобного места еще около десяти минут. В машине меня били, моего ребенка тоже отвезли в милицию и в течение шести часов мне не давали кормить его.

Вместе с нами были арестованы несколько человек из собравшейся толпы, которые выражали нам сочувствие. Отпустили только поздно вечером. Ночью у всех задержанных провели обыски по обвинению в "групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок". Один из нас, Вадим Делонэ, был уже ранее условно осужден по этому Уголовному Кодексу РСФСР за участие в демонстрации 22-го января 1967 года на Пушкинской площади. После обыска я была освобождена, по видимому, потому, что у меня на руках двое детей. Меня продолжали вызывать для дачи показаний. Я отказывалась давать показания об организации и проведении демонстрации, поскольку это была мирная демонстрация, не нарушавшая общественного порядка. Но я дала показания о грубых и незаконных действиях лиц, задержавших нас, и готова свидетельствовать об этом перед мировым общественным мнением.

Мои товарищи и я счастливы, что смогли принять участие в этой демонстрации, что смогли, хоть на мгновение прорвать поток разнузданной лжи и трусливого молчания и показать, что не все граждане нашей страны согласны с насильем, которое творится от имени советского народа. Мы надеемся, что об этом узнал или узнает народ Чехословакии. И вера в то, что, думая о советских людях, чехи и словаки будут думать не только об оккупантах, но и о нас, — придает нам силу и мужество.

Наталья Горбаневская, 28-го августа 1968 года
Москва, Новопесчаная ул., дом 13/3, квартира 34.

что наша печать попадает в СССР, несмотря на все преграды.

Но, допустим совершенно невероятный факт, что советские власти разрешили вдруг издание и распространение "Нашей Страны" в Москве, выказав этим свое полное презрение к нашему "листу", как к незначительной и неопасной им газетке. И, если бы это осуществилось и "Наша Страна" стала бы печататься в СССР и даже в составе всего лишь нынешних ее сотрудников и с тем же столь ограниченным тиражом, то, категорически можно утверждать, что советский "кит Пропаганды" оказался бы вскоре смертельно раненым, последствием чему непременно восстановление у нас на родине Исторической Российской Государственности стало бы лишь вопросом времени...

С этими мыслями, дорогая Татьяна Владимировна, я шлю мои поздравления к двадцатилетию "Нашей Страны"

Вам, нашему неутомимому редактору, всем сотрудникам и верным читателям, то есть всему комплексу Народно-Монархического Движения.

Прошу принять мои пожелания дальнейшей живучести и процветанию "Нашей Стране", а Вам, как ее редактору, — низкий поклон.

Преданный Вам Николай Кремнев

Литературно-художественное
Объединение

"РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО"
(Сидней, Австралия)

от души поздравляет "Нашу Страну" с ее славным 20-летним юбилеем бескомпромиссной борьбы за лучшие идеалы и интересы русского народа.

Председатель И. И. Резаева

С. Л. Войцеховский

Забвения Книжка

СЕНТЯБРЬ 1968

"НАША СТРАНА"

"Нашей Стране" исполнилось двадцать лет. Это дает ее сотрудникам право оглянуться на два десятилетия. Это их обязывает вспомнить тех, кто газету создал, вдохновил и сохранил — Ивана Лукьяновича Солоневича и Всеволода Константиновича Дубровского. Им обоим принадлежит почетное место в истории русской зарубежной печати.

Вероятно, я — единственный сотрудник "Нашей Страны", знавший И. Л. Солоневича не только в эмиграции, но и

обычая придерживается, в частности, левая часть русской эмиграции. О ком бы она ни говорила, человек всегда, если он был приверженцем революции, именуется "честным", "идеалистом". О нем говорят и пишут, что он "пользовался всеобщим уважением".

И. Л. Солоневич был настолько крупным человеком, что не нуждается в шаблоне. Как все большие люди, он соединял в себе редкие качества и некоторые недостатки. Его значение заключалось в том, что качеств было много больше.

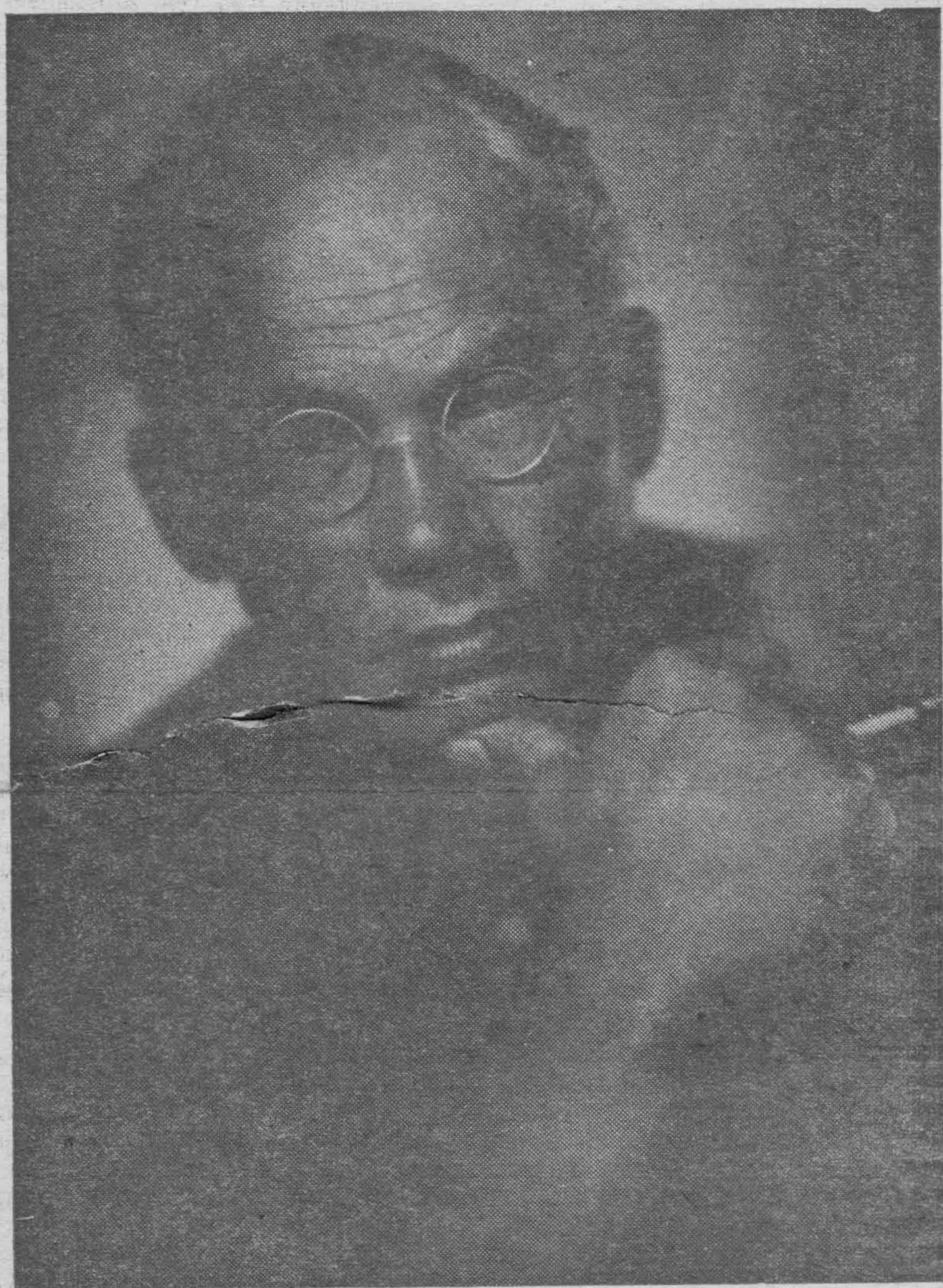
Его язык был красочен и меток. Трудно было вернее определить удельный вес меньшевиков в русской жизни, чем это сделал он в крылатой фразе о "полутора Абрамовичах".

Е. С. Кускова однажды назвала его "талантливым, но грубым". Этот упрек был незаслуженным. В отличие от тех, кто пытался ему подражать, И. Л. Солоневич грубым не был. Он бывал несдержанным, ошибался, защищал свои ошибки, доводил эту защиту до опасности разрыва с лучшими друзьями, но

ской империи. Оно состояло преимущественно в ее защите и оправдании. Неизбежно, это вело к идеализации прошлого. На политическом знамени русских монархистов был написан призыв к восстановлению этого прошлого.

И. Л. Солоневич превратил возвращение России к ее государственной традиции целью, которую предстоит достиг-

тимизма, восходящего к провозглашению Великого Князя Кирилла Владимировича Блюстителем Престола. В отличие от второго редактора "Нашей Страны", И. Л. Солоневич не придавал значения тому или иному толкованию основных законов монархического государства, рухнувшего в 1917 году. Великий Князь Владимир Кириллович

И. Л. СОЛОНЕВИЧ

в России. Мы впервые встретились в Киеве, осенью 1919 года. Он был тогда секретарем редакции "Вечерних Огней", основанных убитым впоследствии большевиками И. М. Калининским. Мы затем увиделись в Одессе, в январе 1920 года. И. Л. Солоневич был сотрудником белого Освага и так же, как и я, и тысячи других участников вооруженной борьбы с большевиками, был при эвакуации брошен на произвол судьбы генералом Шиллингом, ставшим четверть века спустя сов. патриотом в Праге.

Там, в обстановке неустанный красного террора, вечной опасности, голода, наше знакомство стало дружбой. Мы оба были участниками тайного Союза Освобождения России, установившего связь с Крымом, и пытались — как умели и могли — продолжать борьбу. Это длилось недолго — террор заставил нас перебраться из Одессы в Ананьев, где я в сентябре 1921 года расстался с И. Л. Солоневичем и вскоре затем перешел на Вольни польско-советскую границу. Следующая встреча состоялась в Варшаве, где И. Л. Солоневич после бегства из советского концлагеря был проездом в Софию. В вагоне, на вокзале, он сообщил мне свое твердое решение основать "Голос России", ставший предшественником "Нашей Страны". В Болгарии начался его эмигрантский политический путь.

И. Л. СОЛОНЕВИЧ

Существует обычай возводить друзьям словесные памятники, на которых стираются все их личные черты. Этого

никогда не опускался до поношения кого бы то ни было, не потакал низменным вкусам толпы.

Он обладал редкой способностью предвидеть и точно предсказать события, — сошлось хотя бы на предсказанное им задолго до 1939 года вторжение советских войск в Польшу и ее молниеносный распад. В разгаре военного успеха Гитлера, он также точно предвидел его поражение.

Свои мнения он высказывал смело, не считаясь ни с последствиями, ни с мнением части своих читателей. Он был единственным правым русским публицистом, ясно определившим свое отношение к "идиотской расовой теории" и к "липovому маньчжурскому императору".

Все это сделало его выдающимся русским журналистом, но публицистикой его значение не ограничилось.

НЕПРЕХОДЯЩЕЕ

Мнения И. Л. Солоневича не забыты потому, что в них, кроме неизбежной в газетном деле злободневности, было другое, непреходящее. Оно — коротко говоря — состояло в том, что именно И. Л. Солоневич воскресил государственную традицию в сознании зарубежной части русского народа.

Он, конечно, не был первым монархистом в русской эмиграции. Монархические взгляды исповедывались многими русскими людьми до появления первого номера "Голоса России". Это исповедание было, однако, ответом на революционное поношение до-февраль-

В. К. ДУБРОВСКИЙ

нуть, не пытаюсь воссоздать все то, что сгорело в пламени революционной катастрофы. Он был первым русским монархистом, сказавшим, что монархия может быть только бессловной или — как мы теперь говорим — народной.

Движение к этой цели, может быть, не всегда представлялось ему достаточно ясно. Издание газеты, необходимость откликаться на события, иногда отвлекали его от главной темы. В последние годы его жизни мне пришлось спорить с ним (в переписке) о политической терминологии, которая мне — как Земский Собор — казалась архаической, но им упорно защищалась. Спор кончился шуткой о моем "модернизме". По сравнению с главным — с его несомненным движением вперед, а не назад к монархии — терминологическое расхождение значения не имело.

В. К. ДУБРОВСКИЙ

После вынужденного отъезда И. Л. Солоневича из Аргентины в Уругвай, работа о продолжении "Нашей Страны" легла на плечи В. К. Дубровского. Я не могу сказать о нем всего того, что написал об И. Л. Солоневиче — за все долгие годы эмиграции мы встретились только раз, после войны, в Австрии. Я, однако, по наслышке давно знал, каким неоценимым помощником был В. К. Дубровский для создателя "Голоса России" еще в Софии. После переселения И. Л. Солоневича в Монтевидео, ответственность В. К. Дубровского за газету, естественно, увеличилась и, соответственно, увеличилось и его влияние на ее направление.

Из оживившейся тогда переписки, продолжавшейся затем почти до самой смерти незабвенного редактора "Нашей Страны", я, постепенно, создал представление о направлении вдохновленной им перемены. Оглядываясь назад скажу, что она состояла, прежде всего, в превращении газеты из личной трибуны ее основателя в рупор тех, кто до сих пор составляет основной кадр ее сотрудников. Как ни талантлив был И. Л. Солоневич, это привлечение новых голосов было мерой разумной и необходимой. Это особенно подтвердилось в день неожиданной и преждевременной смерти создателя "Нашей Страны". В. К. Дубровский уверенно и твердо занял его место и повел газету по прямому пути.

При нем, она из голоса русской монархической идеи стала знаменем леги-

онии — в его глазах — Главой Императорского Дома по праву первородства, без необходимости юридического подтверждения. Природный такт, твердая воля и патриотизм В. К. Дубровского дали ему возможность совместить обе точки зрения, высказывавшиеся сотрудниками газеты, и сохранить их для общего русского дела.

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Долгая болезнь редактора газеты превратила его труд в жертвенный подвиг. Он не был бы возможным, не пошли ему Бог помощницы, ставшей приемницей после его кончины.

Как друг И. Л. Солоневича, как близкий сотрудник В. К. Дубровского, я имею право сказать в газете, редактируемой Т. В. Дубровской, что ей мы — читатели и друзья "Нашей Страны" — обязаны ее существованием. Нужна была исключительная преданность делу и редкая готовность пожертвовать многим ради сохранения газеты, чтобы сделать то, что сделала Т. В. Дубровская в годы болезни своего мужа и после его смерти.

Горек хлеб независимого русского журналиста... Велико, в русской среде, непонимание значения нашего последнего оружия — свободного русского слова... Страшно равнодушие многих рус-

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

ских людей к судьбе России, русского народа и, в конечном итоге, к собственной судьбе и к судьбе своих детей... Знаю, что равнодушных словами не проймешь... Пусть же хотя бы те из нас, в ком живо русское сердце, помогут, чем можно, Т. В. Дубровской продолжить дело, начатое первыми двумя редакторами "Нашей Страны".

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АРЕСТЫ В СССР

Нам пишут из Торонто: Информационное бюро Союза Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР) сообщает, что по полученным им сведениям, в июне и июле с. г. в СССР было арестовано 12 советских граждан, бывших служащих советского павильона на прошлогодней всемирной выставке Экспо 67 в Канаде.

Всего, по сведениям названного бюро, с ноября пр. г. в СССР было арестовано 30 советских граждан, побывавших на упомянутой выставке в качестве туристов или служащих советского павильона.

ТОЛСТОВСКИЙ ФОНД

Нам пишут из Нью Йорка: Толстовский фонд получил от штата Нью Йорк кредит в сумме 2-х миллионов 700 тысяч долларов. Деньги предназначены на сооружение дома для хронически больных престарелых. Закладка этого дома состоялась на ферме Фонда в окрестностях Нью Йорка 1-го сентября с. г. Дом будет состоять в ведении особой корпорации, председательницей которой избрана Т. А. Шауфус.

Хотя упомянутый значительный кредит предоставлен Фонду с условием, что в строящийся дом, открытие которого состоится в начале 1970 года, будут приниматься хронически больные иммигранты, переселившиеся в Соеди-

ненные Штаты из других стран, без различия национальности, вероисповедания и расовой принадлежности, дом создается, в первую очередь, для лиц, говорящих по-русски, и Фонд надеется обеспечить дом говорящими на русском языке персоналом.

МИТРОПОЛИТ ИРИНЕЙ

Нам пишут из Нью Йорка: Первоиерарх не входящей в состав Зарубежной Церкви русской православной митрополии в Америке и Канаде, митрополит Ириней, обратился к состоявшемуся в Кливленде съезду Федерации Русских Православных Клубов с посланием, в котором призвал состоящих членами этой Федерации американцев русского происхождения к сохранению верности не только православию, но и русской культуре предков. Он пожелал Федерации "держать крепкую связь с духовным наследием русского народа, с его исключительно высокой православной культурой".

"Нынешнее тревожное во всем мире положение — написал митрополит — происходит от того, что народы мира, особенно ведущие христианские народы, теряют связь с духовным наследием христианской культуры. Все это явилось под натиском воинствующего марксизма, вторгающегося в государственную, общественную и частную жизнь... Братолюбие, радость, свобода и христианское просвещение подменяются лютой враждой, беспощадной ненавистью и кровавым террором... Большинство просвещенных людей уже видит, что марксистский атеизм есть явление антикультурное и антинаучное... Мы надеемся, что все вы неизменно останетесь верными вашим девизам, положенным в основу вашей Федерации, и всегда сохраните связь с Православной Церковью и с русской культурой".

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Нам пишут из Нью Йорка: "Православная Русь" сообщает, что в Ленинграде состоялась архиерейская хиротония японского православного священника Николая Сайма, окончившего Св. Владимирскую духовную академию русской православной митрополии в Америке и в Канаде.

Новый епископ назначен экзархом московской патриархии в Японии, где большинство православных состоит в юрисдикции названной митрополии и возглавляется принадлежащим к ней епископом Владимиром, американцем русского происхождения.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧ. Сборник памяти столетия со дня рождения. Под редакцией Сергея Завалишина. Всеславянское Издательство. Нью Йорк. 1968 г. С портретом Государя на обложке. 380 стр.

Это роскошно изданное собрание статей, воспоминаний и стихов, посвященных Царю-Мученику, является лучшим памятником, воскрешающим перед взором настоящего и грядущего поколений Его светлый и чистый образ, очищенный от всякой клеветы и сплетен, сияющий на нас своим нравственным величием, своей духовной красотой, подобно ликам наших русских угодников и молитвенников. Редактор С. В. Завалишин сумел призвать к участию в этом коллективном труде лучших верных монархистов нашего рассеяния; одни из них поделились с читателями личными воспоминаниями о Государе, другие в ученых статьях дали беспристрастную оценку Его великих реформ, Его благих начинаний и мероприятий, которые часто неправильно приписывают инициативе министров: Витте (денежная реформа), Столыпину (законы о землеустройстве), хотя почин исходил от Царя, который умел настойчиво их проводить в жизнь, поддерживая, часто наперекор, так называемому, общественному мнению, министров-исполнителей Государственных предначертаний.

Вместо предисловия идет благословение Владыки Митрополита всем, кто потрудился в составлении сборника, в котором "Царственные страдальцы предстают в ореоле их величия и чистоты и в сиянии мученичества". Следует покаянная молитва, читаемая в день царевубийства, послание Синода и привет Князя С. С. Белосельского-Белозерского, помощи которого сборник обязан своим появлением. Затем идут воспоминания и статьи Б. А. Энгельгардта, Д. Франка, Алексея Ростова, М. М. Спасовского, покойного Б. Л. Бразоля (полностью перепечатана его ценная брошюра), ген. Свечина, В. М. Федоровского, А. М. Юзефовича, Н. Кремнева, проф. Ф. В. Вербицкого, П. Краковского, Д. Ходнева, ген. А. Кура, проф. Е. Э. Месснера, В. Каменского, Н. Обручева, Н.

КНИГА О РУССКОЙ СЛАВЕ

Всеславянское Издательство (Нью Йорк) выпустило сейчас книгу о величайшей на всех фронтах 1-й Мировой войны русской победе, написанную профессором Е. Месснером — "Луцкий прорыв". Книга имеет 176 страниц текста со множеством фотографий и схем, рисованных шт.-ротм. Вакар. В книге — статьи полковников Бояринцева и Эйхенбаума.

Приводим одну цитату из труда Е. Месснера:

"...Какая пехота, кроме нашей, русской, пошла бы брать с налета мощно укрепленную фортификационную полосу врага? Какая пошла бы на это Измаильское дело с Измаильским оружием — штыком — в эпоху воевания машинами?..."

Чухнова и между ними вплетены стихи М. Н. Шереметьева, Адеркаса, В. А. Петрушевского. Ценны и трогательны впечатления от встреч с Императором или представлений Ему ген. Мосолова, Ф. В. Винберга, ген. П. Н. Краснова, графа С. Д. Шереметева, посла Галеолога, В. Н. Мамонтова, художника князя Щербатова, ген. Дитерихса, Начальника Походной Канцелярии Государя Великого Князя Владимир Кирилловича Н. Э. Вуича, ген. П. П. Орлова, А. А. Танеевой, С. Я. Апросимовой, вдовы министра юстиции Н. Д. Добровольской и др. Украшают сборник 50 с лишком снимков Царя-Мученика, начиная с детских лет, потом в мундирах различных полков, на многих совместно с Августейшей Семьей, его ближайших сподвижников, верных слуг, разделавших с Императором заключение, страдный путь и мученическую кончину.

В этом кратком отзыве невозможно останавливаться на отдельных воспоминаниях, которые трогают читателя до слез, или научных достоинствах различных статей, в большинстве безупречных по форме и содержанию. Могу поэтому отметить только маленькие неточности.

Ценная статья П. Краковского о Гагской мирной конференции 1899 года должна была бы дать анализ не только трех принятых деклараций, но и конвенций о мирном разрешении международных столкновений и о законах и обычаях сухопутной войны, впервые по почину русской дипломатии кодифици-

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Revalida de Universidad Bs. Aires, Facultad de Odontología

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A Один квартал от подземной жел. дор. Rio de Janeiro по улице Corrientes.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 14

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

— Нет, уж теперь поздно! — обрезал Павел Николаевич. — Я рассмотрел здешних порядков — и уйду отсюда. Никто не интересуется, никто диагноза не ставит!

Его голос непредусмотренно дрогнул. Потому что действительно было обидно. — Диагноз вам поставлен, — размеренно сказала Донцова, обеими руками держась за спинку его кровати. — И вам некуда идти больше, с этой болезнью в нашей республике вас нигде больше не возьмутся лечить.

— Но ведь вы сказали — у меня не рак?!.. Тогда объявите диагноз!

— Вообще мы не обязаны больным называть их болезни. Но если это облегчит ваше состояние, извольте: лимфогрануломатоз.

— Так значит, не рак!

— Конечно, нет. — Даже естественного озлобления от спора не было в ее лице и голосе. Ведь она видела его опухоль в кулак под челюстью. На кого же было сердиться? На опухоль? — Вас никто не неволил ложиться к нам. Вы можете выписаться хоть сейчас. Но помните... — Она поколебалась. Она примирительно предупредила его: — Умирают ведь не только от рака.

— Вы что — запугать меня хотите! — воскликнул Павел Николаевич. — Зачем вы меня пугаете? Это не методически! — еще бойко резал он, но при слове "умирают" все охолодело у него внутри. Уже мягче он спросил: — Вы что, хотите сказать, что со мной так опасно?

— Если вы будете переезжать из клиники в клинику — конечно. Снимите-ка шарфик. Встаньте, пожалуйста.

Он снял шарфик и стал на пол. Донцова начала бережно ощупывать его опухоль, потом и здоровую половину шеи, сравнивая. Попросила его сколько можно запрокинуть голову назад (не так-то далеко она и запрокинулась, сразу потянула опухоль) сколько можно наклонить вперед, повернуть налево и направо.

Вот оно как! — голова его, оказывается, уже почти не имела свободы движения — той легкой изумительной свободы, которую мы не замечаем, обладая ею.

— Куртку снимите, пожалуйста. — Куртка его зелено-коричневой пижамы расстегивалась крупными пуговицами и не была тесна и кажется бы не трудно было ее снять, но при вытягивании рук отдавалось в шее, и Павел Николаевич простонал. О, как далеко зашло дело! Седая осанистая сестра помогла ему выпутаться из рукавов.

— Подмышками вам не больно! — спрашивала Донцова. — Ничто не мешает?

— А что, и там может заболеть? — голос Русанова совсем упал и был еще тише теперь, чем у Людмилы Афанасьевны.

— Поднимите руки в стороны! — и сосредоточенно, остро давя, шупала у него подмышками.

— А в чем будет лечение? — спросил Павел Николаевич.

— Я вам говорила: в уколах.

— Куда? Прямо в опухоль?

— Нет, внутривенно.

— И часто?

— Три раза в неделю. Одевайтесь.

— А операция — невозможна?

(Он спрашивал — "невозможно", но больше всего боялся именно лечь на стол. Как всякий больной, он предпочитал любое другое долгое лечение).

— Операция бессмысленна — Она вытерла руки о подставленное полотенце. И хорошо, что бессмысленна! Павел Николаевич соображал. Все-таки надо посоветоваться с Капой. Обходимые хлопоты тоже не просты. Влияния-то нет у него такого, как хотелось бы, как он здесь держался. И позвонить товарищу Остапенко совсем не было просто.

— Ну хорошо, я подумаю. Тогда завтра решим?

— Нет, — неумолимо проговорила Донцова. — Только сегодня. Завтра мы укола делать не можем, завтра суббота.

Опять правила! Как будто не для того пишутся правила, чтоб их ломать!

— Почему это вдруг в субботу нельзя?

— А потому что за вашей реакцией надо хорошо следить в день укола и в следующий. А в воскресенье это невозможно.

— Так что, такой серьезный укол?..

Людмила Афанасьевна не отвечала. Она уже перешла к Костоготову.

— Ну, а если до понедельника?..

— Товарищ Русанов! Вы упрекали, что восемнадцать часов вас не лечат. Как же вы соглашаетесь на семьдесят два? — (Она уже победила, уже давила его колесами, и он ничего не мог!..) — Мы или берем вас на лечение или не берем. Если да, то сегодня в одиннадцать часов дня вы получите первый укол. Если нет, вы распишите, что отказываетесь от нашего лечения и сегодня же я вас выпишу. А три дня ждать в бездействии мы не имеем права. Пока я кончу обход в этой комнате продумайте и скажите.

Русанов закрыл лицо руками.

Гангарт, глухо затаенная халатом почти под горло, беззвучно миновала его. И Олимпиада Владиславовна проплыла мимо как корабль.

Донцова устала от спора и надеялась у следующей кровати порадоваться.

— Ну, Костоготов, а что скажете вы?

Костоготов, немного пригладивший вихры, ответил громко, уверенно, голосом здорового человека:

— Великолепно, Людмила Афанасьевна! Лучше не надо!

Врачи переглянулись. У Веры Корнильевны губы лишь чуть улыбались, а зато глаза — просто смеялись от радости.

— Ну все-таки, — присела Донцова на его кровать. — Опишите словами — что вы чувствуете? Что за это время изменилось?

— Пожалуйста! — охотно взялся Костоготов. — Боли у меня ослабились после второго сеанса, совсем совсем исчезли после четвертого. Тогда же упала и температура. Сплю я сейчас великолепно, по десять часов, в любом положении — и не болит. А раньше я такого положения найти не мог. На еду я смотреть не хотел, а сейчас все подбираю и еще добавки прошу. И не болит.

— И не болит? — рассмеялась Гангарт.

— А — дают? — смеялась Донцова.

— Иногда. Да вообще о чем говорить? У меня просто изменилось мироощущение. Я приехал вполне мертвец, а сейчас я живой.

— И тошноты не бывает?

— Нет.

Донцова и Гангарт смотрели на Костоготова и сияли — так, как смотрит учитель на выдающегося отличника: больше гордясь его великолепным ответом,

Общество "Русское Собрание", при содействии Российской Колонии в Аргентине объявляет, что

ВТОРАЯ лекция Н. П. Кусакова из цикла

РУССКАЯ ПРАВДА

(очерки русской политической философии)

имеет состояться в ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29 сентября в Доме Русского Корпуса

Она содержит темы:

1. Введение	3. Гуманизм
2. Христианская Европа	4. Схоластика
	5. Вопросы Права

Начало лекции в 16.30 часов.

РЕДКИЕ И РАСПРОДАВАННЫЕ КНИГИ

Бердяев. Н. — "Истоки и смысл русского коммунизма", "К. Леонтьев", "Философия свободного духа", "Царство духа и царство Кесаря", "Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого", "Самопознание" и другие книги.

Вышеславцев. — "Вечное в русской философии", "Кризис индустриальной культуры".

Проф. В. Зеньковский. — "История русской философии" в 2-х томах, "Основы христианской философии" в 2-х томах, "Русские мыслители и Европа" и другие книги.

Франк С. — "Ересь утопизма", "Реальность и человек", "С нами Бог", "Свет во тьме", "Душа человека", "Духовные основы общества", "Смысл жизни", "Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века" (В. Соловьев, Мережковский, В. Розанов и др.), "Личная жизнь и социальное строительство", "Биография Струве".

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ КАТАЛОГИ!

Цены указаны в американских долларах с пересылкой заказной почтой. M. Tamarzeff. Casilla de Correo № 4. V. Ballester. Argentina.

рованных. Также следовало указать на директивы Государя Императора русскому послу Нелидову на Второй Гаагской мирной конференции 1907 года и одобренными по почину Царя 13-ю конвенциями и декларацией. Важно было бы отметить посредничество Государя между Турцией и провозгласившей свою независимость Болгарией в 1909 году и обращение Государя к царю Фердинанду и королю Петру, не вняв которому в июле 1913 года первый потерпел поражение в братоубийственной войне.

В ценную и самую пространную статью Н. Обручева (140 стр.; больше трети сборника), правильно освещающую облик Государя и приводящую ряд мало известных фактов, вкрались некоторые досадные неточности: не верно, что Временное Правительство реквизирировало для Ленина особняк Кшесинской, самозачинно захваченный большевиками в

первые дни революции (стр. 239) или что Керенский сознательно и добровольно передал власть большевикам в октябре (стр. 243), или что Керенский организовал ВЧК, которая создана Лениным через два месяца после бегства Керенского (стр. 247). Преступления Керенского подробно и точно описаны мною в серии статей в "Знамени России", а потому не стоит приписывать ему лишние, которых он не совершал.

Список канонизированных святых, приведенный проф. Ф. В. Вербницким на стр. 118, должен быть пополнен тремя канонизациями: Священномученика Патриарха Гермогена (1913 г.) и Святителей Иоанна Тобольского (1915 г.) и Гитирима Тамбовского (1916 г.).

Горячо рекомендую всем читателям-монархистам приобрести эту ценную книгу.

Алексей Ростов

✦ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ГОРБОВ

5-го августа 1968 года в Буэнос Айресе скончался председатель Объединения б. учащихся Первой Русско-Сербской Гимназии в Белграде Михаил Николаевич Горбов.

Покойный родился в военной семье 14-го декабря 1900 года, учился в г. Казани в Императорской 1-ой Классической Гимназии и по окончании ее в 1918 году отозвался на призыв Белых вождей, проникшись глубоким патриотическим чувством. В январе 1919 года М. Н. поступил вольноопределяющимся в ряды Добровольческой Армии и участвовал в боях под Екатеринославом, Верхнеднепровском, Валуйками, Старым и Новым Осколом, Воронежом. В январе 1920 г. был зачислен в Ординарческий Эскадрон Штаба Главнокомандующего, где на должности личного ординарца Начальника Штаба Главнокомандующего находился до июня 1921 г. Эвакуировался М. Н. в Югославию, где за неимением нужных бумаг об окончании гимназии принужден был поступить в 8-й класс "Плетневской" гимназии в Белграде, которую окончил во 2-ом выпуске этой гимназии в 1922 г., после чего поступил в университет на Технический факультет.

Когда в 1941 году немцы оккупировали Белград, там создано Управление Делами Российской Эмиграции. М. Н. был назначен чиновником Начальника Канцелярии этого Управления, а вскоре — адъютантом генерала Крейтера. Пребывая на этой должности, М. Н. удалось оказать существенную помощь многим русским эмигрантам, стремящимся уехать из занимаемой Красной армией Югославии.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ

Присяжный Переводчик
TRADUCTOR PUBLICO

Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков

М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.

LAVALLE 1570, p. 4

T. E. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

В 1949 году покойный со своей семьей прибыл в Аргентину, в Буэнос Айрес.

Когда бывшие учащиеся Белградской Гимназии решили создать Объединение для поддержания связи между собой и, главным образом, для оказания помощи своим бывшим преподавателям, М. Н. был единогласно избран председателем этого нового Объединения. На этом посту он оставался до конца своих дней.

Обладая добрым и отзывчивым сердцем, М. Н. принимал близко к сердцу тяжелое материальное положение престарелых учителей и для помощи им, не щадя своего здоровья организовывал благотворительные балы, что давало возможность Объединению ежемесячно помогать своим преподавателям. Преждевременная кончина М. Н. — невозвратимая утрата для Объединения.

Ушел от нас в лучший мир подлинный Белый воин, высоко культурный, благородный и отзывчивый человек. Память о Михаиле Николаевиче будет жить в наших сердцах.

Все члены Объединения б. учащихся Первой Русско-Сербской Гимназии в Белграде выражают супруге и сыну покойного искреннее и сердечное соболезнование в постигшем горе, которое они полностью разделяют.

Н. Н.

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

М. КАРАТЕЕВА

"ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО"

Сборник исторических очерков, 256 стр. Цена — 4 ам. долл., в Аргентине — 900 песо.

РУССКАЯ АМБУЛАТОРИЯ О.Р.Ю.Р.
Прием больных от 14.00 до 15.00 час.

по субботам.

Адрес: Calle Buenos Aires 2655, Olivos. Коллективы: 4, 143, 113, 215 и железнодорожная станция "Dr. Strangolo" (Mitre).

Стоимость визита — 50 песо.

Электрокардиограммы, рентген и анализы по сильно удешевленным ценам.

Заведующий амбулаторией — др. М. Царевский.

чем собственными знаниями и опытом. Такой ученик вызывает к себе привязанность.

— А опухоль ощущаете?

— Она мне уже теперь не мешает.

— Но ощущаете?

— Ну, когда вот ложусь — чувствую лишнюю тяжесть, вроде бы даже перекачивается. Но не мешает! — наставлял Костоготов.

— Ну, лягте.

Костоготов привычным движением (его опухоль за последний месяц шупали в разных больницах многие врачи и даже практиканты, и звали из соседних кабинетов шупать, и все удивлялись) поднял ноги на койку, подтянул колени, лег без подушки на спину и обнажил живот. Он сразу почувствовал как эта внутренняя жаба, спутница его жизни, прилегла там где-то глубоко и подавляла.

Людмила Афанасьевна сидела рядом и мягкими круговыми приближениями подбиралась к опухоли.

— Не напрягайтесь, не напрягайтесь, — напоминала она, хотя и сам он знал, но непроизвольно напрягался в защиту и мешая шупать. Наконец, добившись мягкого доверчивого живота, она ясно ощущала по всему контуру сперва мягко, второй раз жестче, третий — еще жестче.

Гангарт смотрела через плечо. И Костоготов смотрел на Гангарт. Она очень располагала. Она хотела быть строгой — и не могла: быстро привыкала к больным. Она хотела быть взрослой и также не получалось: что-то было в ней девчоночье.

— Отчетливо пальпируется поперек, — установила Людмила Афанасьевна. — Стала плосче, это безусловно. Отошла вглубь, освободила желудок, и вот ему не больно. Помягчала. Но контур — почти тот же. Вы — посмотрите?

— Да нет, я каждый день, надо с перерывами. РОЭ — двадцать пять, лейкоциты — пять восемьсот, сегментных... Ну, посмотрите сами...

Русанов поднял голову из рук и шепотом спросил у сестры:

— А уколы? Очень болезненные?

Костоготов тоже дознавался:

— Людмила Афанасьевна! А сколько мне еще сеансов?

— Этого сейчас нельзя посчитать.

— Ну, все-таки. Когда примерно вы меня выпишете?

— Что?? — она подняла голову от истории болезни. — О чем вы меня спросили??

— Когда вы меня выпишете? — также уверенно повторил Костоготов. Он обнял голени руками и имел независимый вид.

Никакого любования отличником не осталось во взгляде Донцовой. Был трудный пациент с закоренело-упрямым выражением лица.

— Ведь я вас только начинаю лечить! — осадил она его. — Начинаю с завтрашнего дня! А это все была легкая пристрелка.

Но Костоготов не пригнулся:

— Людмила Афанасьевна, я хотел бы немного объясниться. Я понимаю, что я еще не излечен, но я не претендую на полное излечение.

— Ну, выдались больные! Один лучше другого. — Людмила Афанасьевна наспулилась, вот когда она сердилась:

— Что вообще вы говорите? Вы — нормальный человек или нет?

— Людмила Афанасьевна, — спокойно отвел Костоготов большой рукой, дискуссия о нормальности и ненормальности современного человека завела

бы нас очень далеко... Я сердечно вам благодарен, что вы меня привели в такое приятное состояние. Теперь я хочу в нем немножечко пожить. А что будет от дальнейшего лечения — я не знаю. — По мере того, как он это говорил, у Людмилы Афанасьевны выворачивалась в нетерпении и возмущении нижняя губа. У Гангарт задержались брови, глаза ее переходили с одного на другую, ей хотелось вмешаться и смягчить, Олимпиада Владиславовна смотрела на бунтаря надменно. — Одним словом, я не хотел бы платить слишком большую цену сейчас за надежду пожить когда-нибудь. Я хочу положиться на защитные силы организма...

— Вы со своими защитными силами организма к нам в клинику на четвереньках приползли! — резко отповедала Донцова и поднялась с его кровати. — Вы даже не понимаете, чем вы играете? Я с вами и разговаривать не буду!

Она взмахнула рукой по-мужски и отвернулась к Азовкину, но Костоготов с подтянутыми по одеялу коленями смотрел непримиримо, как черный пес:

— А я, Людмила Афанасьевна, прошу вас поговорить! Вас, может быть, интересует эксперимент, чем это кончится, а мне хочется пожить покойно. Хоть годик. Вот и все.

— Хорошо, — бросила Донцова через плечо. — Вас вызовут.

Раздосадованная, она смотрела на Азовкина, еще никак не переключаясь на новый голос и новое лицо.

Азовкин не вставал. Он сидел, держась за живот. Он поднял только голову навстречу врачам. Его губы не были сведены в один рот, а каждая губа выражала свое отдельное страдание. В его глазах не было никакого чувства, кроме мольбы — мольбы к глухим о помощи.

— Ну, что, Коля? Ну как? — Людмила Афанасьевна обняла его с плеча на плечо.

— Пло-хо, — ответил он очень тихо, одним ртом, стараясь не вытаскивать грудью воздуха, потому что всякий толчок легкими сразу же отдавался к животу на опухоль.

Полгода назад он шел с лопатой через плечо во главе комсомольского воскресника и пел во всю глотку — а сейчас даже о боли своей не мог рассказать громче шепота.

— Ну, давай, Коля, подумаем вместе, — так же тихо говорила Донцова. — Может быть ты устал от лечения? Может быть, тебе больничная обстановка надоела?

— Да...

— Ты ведь здешний. Может, дома отдохнешь? Хочешь?.. Выпишем тебя на месяц — на полтора?

— А потом примете?..

— Ну, конечно, примем. Ты ж теперь наш. Отдохнешь от уколов. Вместо этого купишь в аптеке лекарство и будешь класть под язык три раза в день.

— Синэстрол?..

— Да.

Донцова и Гангарт не знали: все эти месяцы Азовкин фанатично вымалывал у каждой заступающей сестры, у каждого ночного дежурного врача лишнее снотворное, лишнее болеутоляющее, всякий лишний порошок и таблетку кроме тех, которыми его кормили и кололи по назначению. Этим запасом лекарств набитой матерчатой сумочкой, Азовкин готовил себе спасение вот на этот день, когда врачи откажутся от него.

(Продолжение следует)

ПО СЛЕДАМ ГАЗЕТНЫХ СТРОК

Юбилей. Газете "Наша Страна" исполняется двадцать лет. Отмечаем такой срок с радостью и печалью. Печалью, потому что каждый год эмиграции обозначен лишнему году бытия ужаса большевизма на нашей родине. Однако, эта наша скорбь имеет то утешение, что знамя русской борьбы против большевизма попрежнему продолжает веять над нашим редутом. Поэтому, мы можем порадоваться двадцатилетнему юбилею газеты.

Особенно при этом надо отметить, что "Наша Страна" все годы своей деятельности ведет твердую линию верности принципам, на которых была построена Россия. Независимая ни от каких посторонних влияний, существующая исключительно на подписную плату, на посылынные пожертвования подписчиков в "Фонд Изд. им. И. Л. Солоневича" и благодаря блестящему составу представителей во всех странах, всегда аккуратно рассчитывающихся с Редакцией, газета "Наша Страна" свидетельствует о том, что ни борьба, ни годы не истощили наших сил. А раз порох есть еще в эмигрантской пороховнице, то значит есть он и в сердце русского народа. Значит, как бы ни ликовали враги ее, Россия все еще жива, все еще способна к жизни в свойственных ей формах, все еще готова восстать на славу нам и на страх врагам.

Слава Богу!

Воспользуемся случаем настоящего юбилея, чтобы высказать благодарность Т. В. Дубровской, героически несущей нелегкий груз ведения газеты. Вспомним добрым словом и ушедших: основателя газеты И. Л. Солоневича и многолетнего редактора-издателя Вс. К. Дубровского.

Да исполнятся же наши надежды!

✱

Чехия. Так и не опускается занавес. Все время имя этой несчастной страны маячит на линии заголовков, словно бы свободный демократический мир и впрямь не может простить большевикам захвата Чехии, и может быть не лишним значения окажется слова американского президента Л. Джонсона. Случилось ему оказаться на собрании еврейского братства Бнай Брит и его положение обязало его выступить с речью, в которой он призвал "Кремль" — "... либо исправить, либо восстановить то, что он сделал в Чехии". "Никогда не будет поздно для кремлевских вождей избрать тропу благоразумия. Каждый здоровый человек, — продолжает

Джонсон, — будет надеяться, что Советы (Soviets) станут действовать теплее, прежде, чем новые неожиданные события бросят мир назад к мрачным порогам времен мистера Сталина".

Эти слова дают намек, наводящий на мысль, что Западные демократии не дают себе отчета ни в том, что такое большевизм, ни в том, что же, собственно говоря, большевики наделали в Чехии. Вашему Наблюдателю пришлось осведомиться о письме, нелегально посланном из Братиславы после первых дней советской оккупации в нынешнем августе. Судя по этому письму, большевистская техника далеко продвинулась вперед с 1939 года.

Оккупировав Западный край в сентябре 1939 года Сталин стал вывозить из Львовщины рабочую силу только в январе 1940, а эшелоны заключенных раскулаченных мелких и крупных собственников, кустарей и чиновников, которые в скотских вагонах с Западной Украины ехали на восток, стали попадаться на линии Москва—Севастополь только летом 1940 года. Судя же по письму, полученному из Братиславы, все эти меры оказались примененными в Чехии немедленно после вступления туда армейских частей Варшавского пакта.

Одним словом, — террор.

Западные газеты о нем умолчали, т. к. очевидно демократии питали надежды, что "Кремль станет на путь благоразумия" и не хотели дразнить большевиков. Положение дела от этого лучше не стало. Но беспокойство в демократическом лагере дает основание полагать, что возможности для неожиданностей не исключаются, как не исключается возможность полной перемены всего международно-политического положения; вплоть до того, что могут открыться хотя и очень узкие пути, но все же пути борьбы за Россию. Не зря же в Америке на памятнике Массарику возлагали цветы!

Нелепо думать, что возникает мысль о войне. Но надо думать не о старых путях, но о том, что будущее может предложить возможности невиданные и совершенно неожиданные. Поэтому русская Белая эмиграция может оказаться поставленной перед новым историческим испытанием. Хотя торопиться никуда еще не нужно, скажем: Дай Бог нам не провалиться на этом экзамене, если действительно чутье не обманывает вашего Наблюдателя. Но вернемся к событиям в Чехии.

Числа 9-го сентября выступил с речью де Голль. В свете чехословацких событий он резко осудил большевиков, а так

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Mi sedeo de hacer eso fue tanto más intenso, cuanto que el amor a la patria y el deber para con ella no son valores relativos, como la nostalgia, sino constantes y absolutos. Y estos sentimientos urgían una decisión y mi participación, en una u otra forma, en los acontecimientos a producirse. Mis pensamientos, lo mismo que los de centenares de miles de rusos de este lado de la frontera, se dirigieron hacia el Este.

El camino hacia la patria para los emigrados rusos, por desgracia, pasaba por Berlín, tanto en esta guerra como en la precedente. Y para un periodista ruso este camino pasaba por el único periódico ruso que en aquella época existía en Europa, el "Novoie Slovo" (Palabra Nueva) de Berlín.

(Continuará)

же и прежде всего — раздел Европы на две сферы, находящиеся под господством соперников. Разумеется, были упомянуты и Рузвельт и Черчилль и пресловутое Ялтинское соглашение со Сталиным, по которому Чехословакия была отдана последнему.

В ответ на эту речь де Голля Гарриман выехал из Парижа в Люксембург, откуда по радио ответил де Голлю. Он поставил де Голлю на вид, что от Ялтинского соглашения выиграли и французы, которым была выкроена "зона" из Германской земли. Ее выкроили из территории английской и американской зоны. Гарриман, говоривший в качестве свидетеля, лично присутствовавшего в Ялте, заявил, что Сталин имел план включить в состав Советского Союза Восточно-Европейские государства. Однако, Рузвельт и Черчилль настаивали на том, что эти страны, включая и Чехословакию, должны иметь право на самоопределение, почему они, как сказал Гарриман, "и не попали под советское господство". И в этом пункте, — сказал он, — Западные политики выиграли вполне.

О том, насколько крупным оказался выигрыш, лучше всех знают те чехи и словаки, которые, в порядке политического самоопределения Чехословакии, сегодня едут в эшелонах заключенных, направляя свой путь в концлагери СССР. Е. Бутырках в тридцатых годах, в бане на стене, было выцарапано:

Входящий сюда, — не грусти.
Уходящий отсюда, — не радуйся.
Кто не было здесь, тот будет.
Кто был, — тот не забудет.

Поэтому будет напрасной тратой времени и бумаги, если мы станем шаг за шагом описывать быстрое скольжение Чехии и Словакии вниз к социализму, описывать, как "Москва" требует скорейшей нормализации и борьбы с контрреволюцией, говорить, как сами же чешские большевики ускоряют эту социалистическую "нормализацию". А уж они ли не хвалились, что, де, мол, "Чехи это не русские, почему они социализм и сумеют построить по-настоящему". Действительно, в Граге сегодня делают буквально все то, что делали большевики в те далекие годы, когда они потихоньку "затягивали державные бразды". Свобода печати оказалась столь святым делом, что охрану этой свободы взяла на себя партия. Началась чистка советского аппарата. В Чехии снова строится всенародная тюрьма советских концлагерей. Было время, когда весь Западный мир дружно поддерживал большевиков и восхищался крепостью нервов Сталина, "сумевшего настоять на своем и в короткий срок превратить отсталую Россию в передовую технически развитую страну". Простите такую лексикон. Он взят из лексики Западной демократии.

Теперь оказалось, что двери государства советских концлагерей открыты не только для русских, но и для представителей Западных культур, независимо от их национальности, включая и евреев всех общественных рангов.

Одним словом, получилось именно то, о чем с 1921 года говорила и говорит Русская Белая эмиграция, и если нас и теперь не станут слушать, то будет худо. Будет очень худо. В советских концлагерях есть место для всех клеветни-

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от "Студента" в подарок ко дню рождения "Нашей Страны" — 1000 песо, от кн. С. С. Белосельского-Белозерского (август) — 25 дол., от А. Верховской — 5 дол., от Б. Демченко — 200 песо, от Сергея П. — 3 дол., от И. И. Моргуна — 5 дол., от о. Спиридона — 5 дол., от М. Марамбеевой — 1 дол., от В. Захариновича — 12 дол., от Магазины "РУСЬ" (Сан Франциско) — 100 дол., от Архиепископа Чикагского и Детройтского Серафима — 10 дол., от кн. С. С. Белосельского-Белозерского (сентябрь) — 25 дол., от А. Д. Аллатова — 11.80 дол., от И. Калько — 25 новых круз.

Через Представителя на Зап. Германию поступило: от Валентина Яр — 20 нем. марок, от И. А. Чуба — 25 нем. марок, от семьи П. Р. — 25 нем. марок.

КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В "Казну Великого Князя Владимира Кирилловича" поступили следующие суммы:

от о. Спиридона — 5 дол.

ков России, как по Пушкину им находилось место "среди не чуждых им могол".

Впрочем, судьбы мира не в наших руках. Нам осталось одно: говорить правду.

✱

Президентские кандидаты. В Америке начали звучать речи кандидатов на президентский пост. Интересно прислушаться, хотя бы и было понятно, что благими обещаниями весь ад вымощен. Еще ведь свежи в наших ушах слова Джона Кеннеди, что мы повторили недели две тому назад. Это о свободе. Помните? А что из них вышло? Конфуз. и больше ничего.

Однако, прислушаемся. Вот Гумфрей. Он взял быка за рога. Люди хотят мира. Значит, чтобы получить голоса надо любить мир. И он стал говорить, что если он будет избран в президенты, то он вскоре же вернет по домам всех американских солдат, находящихся во Вьетнаме. В ответ на это сам Джонсон заметил, что этот путь еще очень, очень долгий, что Америке нужен "доблестный и устойчивый мир" на Дальнем Востоке, почему никто не может предсказать, когда может начаться вывод американских военных сил из Вьетнама.

Ричард Никсон в одной из речей объяснил, что, де, мол, Советский Союз не отказался от пути ко всемирной экспансии, почему, следуя политике стремления к миру во всем мире, Америка может достичь своей цели только сохраняя за собою положение наиболее сильной державы.

А ваш покорный слуга и газетный Наблюдатель держится такого мнения, что первый американский солдат сможет безопасно покинуть Вьетнам и отправиться домой к семье не раньше того дня, как в Москве будет водружено Русское Знамя, не раньше того дня, когда по всей России будет низвергнут большевизм.

А до тех пор, пока коммунизм рассматривается, как проявление честной мысли, мир не сможет вытянуть свои ноги из кровавого болота, в которое залезли, потеряв путь к Правде.

✱

Вьетнам. Партизанская война продолжается. Число красных партизан, остающихся на поле боя, исчисляется около 90 человек за неделю. О потерях на стороне законного правительства и в рядах американской армии свидетельств проследить не удалось.

Наблюдатель

Родительский Комитет Церковно-приходской школы при храме Св. Преп. Сергия Радонежского (Villa Ballester) 11-го октября 1968 года в залах Немецкого Клуба — calle Manzini 369, Villa Ballester, est. Chilavert

у с т р а и в а е т

ВЕЧЕР

для сбора средств на постройку школьного помещения.
— ПРЕКРАСНЫЙ ОРКЕСТР — ЛОТЕРЕЯ — БУФЕТ — СЮРПРИЗЫ —
Начало в 21 час.

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

HOTEL SAVOY, Callao 195, Capital, Salón "IMPERIAL"

Весенний бал ОРЮР

21-го сентября 1968 г., точно в 21 час 45 мин.

с у ж и н о м, только для 200 участников.

ПЕРВОКЛАССНЫЙ ОРКЕСТР!

ПРОГРАММА!

ВЫБОРЫ ЦАРИЦЫ ВЕСНЫ!

Цена 1900 песо. Билеты до 15.9.68 г. по тел.:

44-2061 и 44-6353 в будние дни от 10—12 и от 14—19 час. у г. А. Баумгартена и И. Шмитова. В праздничные дни Телефон 32-0473 у г. А. Баумгартена, а также в помещении ОРЮР ул. Буэнос Айрес 2655 Оливос, по субботам с 9—13 и с 18—20 часов и у всех членов ОРЮР.

ВЕЧЕРНИЕ ИЛИ БАЛЬНЫЕ ТУАЛЕТЫ ДЛЯ ДАМ И ТЕМНЫЕ КОСТЮМЫ ДЛЯ КАВАЛЕРОВ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ!!

